

Руководителю Московского молодёжного театра на улице Руставели Вячеславу Спесивцеву исполнилось 70 лет. Народный артист России по-прежнему молод душой, не случайно последняя премьера театра — спектакль «Ромео и Джульетта», к тому же в режиме онлайн.

Руководителю Московского молодёжного театра на улице Руставели Вячеславу Спесивцеву исполнилось 70 лет. Народный артист России по-прежнему молод душой, не случайно последняя премьера театра — спектакль «Ромео и Джульетта», к тому же в режиме онлайн. **«Мне сказали: «Мальчик, иди в инженеры» — Вячеслав Семёнович, кем были ваши родители?**

— Мой отец — кузнец, железнодорожник. Ещё он преподавал балетные танцы в Люблине в ДК им. Третьего интернационала, куда ходила моя мама. Она влюбилась в отца. Он был на 13 лет старше. Мой дедушка тогда сказал: «Если это произойдёт, я лишу вас всего». Поэтому мы и жили в бараке в Царицыне, ели на плите. Ни одного стула он не дал, хотя в Люблине был наш потомственный родовой дом с колоннами. В начале 60-х его снесли, тогда уже задумывали метро «Печатники».

— Связать свою жизнь с театром мечтали с детства?

— Мама с папой закрывали меня на ключ в бараке в Царицыне, чтобы я не подвергся всяким тлетворным влияниям улицы. Единственным выходом в мир было окно. В 5 лет я уже точно знал, что буду режиссёром. Правда, о такой профессии я тогда не знал. Но мне нравилось, когда меня ставили на табуретку и я пел песни, рассказывал, танцевал, зазывал! В 11 лет я пошёл записываться в театральную студию Дворца пионеров. Там был огромный конкурс! Одному идти было страшно, и я взял с собой друга Петю Чевельча. Он был огромный, а я худенький, невзрачный. Я стал читать: «О Волга! Колыбель моя!» Руководитель студии Евгения Васильевна Галкина говорит: «Мальчик, я тебя не беру, — и интересуется: — А кто это сидит рядом с тобой?» Я сквозь слёзы отвечаю: «Это мой друг, одноклассник Петя». Она попросила Петю что-то прочитать. Он пробубнил письмо Татьяны Лариной к Онегину так, что все захохотали. А она: «Беру! Беру!» Я тогда ещё сильнее заплакал, и она согласилась меня взять «в довесок». Кстати, Петю потом брали везде: и в ГИТИС, и в Театр Советской Армии. Он мне он до сих пор припоминает: «Сволочь, зачем ты меня привёл в эту театральную студию?»

— А в театральном вузе сразу поступили?

— Я пошёл в Щепку. Для меня это был самый главный театральный институт. Меня не допустили даже на первый тур, сказали: «Мальчик, иди в инженеры, ты никогда не будешь артистом». Я с горя пошёл в цирковое училище на клоуна и поступил. Художественным руководителем курса у нас был Юрий Никулин. Когда я у него спросил, зачем он меня принял, ведь я не смешной, он сказал: «Ты ничего не понимаешь! Клоун должен быть содержательным прежде всего, а потом уж смешным... Принесите ему кепку». Мне надели кепку, и все захохотали. На 3-м курсе мне вдруг позвонил Виктор Татарский — ныне журналист и музыкальный ведущий — и сказал, что он поступил в Щепку, и попросил помочь сделать этюд «Цирк». Я пришёл помогать и стал с ними играть. После экзамена ко мне подошёл Игорь Ильинский и произнёс: «Беру без

экзаменов!»

— **Чем вам запомнился Игорь Ильинский?**

— Игорь Владимирович меня иногда спрашивал: «Спесивцев, придёшь ко мне на похороны?» Возмущённый такой постановкой вопроса я отвечал: «Игорь Владимирович, о чём вы говорите?» А он: «Нет, нет, ты не юли! Придёшь или нет?» Я отвечал: «Ну если вы настаиваете, то приду». Тогда он продолжал: «Ты не просто придёшь, ты, когда склонишься надо мной, скажи: «Игорь Владимирович, я пришёл». Не забудь текст!» Ильинский приглашал меня в Малый театр, но я не пошёл, потому что Любимов взял меня в Таганку, тогда она была ого-го!

— **«Любимов мне не дал бы ничего поставить» — В Театр на Таганке вы были приглашены как актёр?**

— Как режиссёр-постановщик пантомим и как артист. Я там поставил почти все пантомимы в таких спектаклях, как «Десять дней, которые потрясли мир», «Павшие и живые», «Антимиры»... Я играл в них вместе с Высоцким, Хмельницким, Золотухиным. Я восемь лет смотрел, как Любимов ставит спектакли. Дивно! Талант был безумный! И вот я пристаю к Юрию Петровичу: «А когда ты дашь мне поставить-то?» Наконец Высоцкий и Золотухин говорят мне: «Слав, он никогда тебе не даст поставить, ну это же его театр. А вдруг ты лучше поставишь?» Я ушёл и создал свой театр-студию «Гайдар» во Дворце пионеров в Текстильщиках.

— **А как вы создали свой знаменитый Театр на Красной Пресне?**

— Наш театр «Гайдар» был на взлёте, когда первый секретарь райкома партии Люблинского района Зайцев сказал: «Мне не нужен театр. Мне ажиотаж не нужен. Мне нужны пивные для рабочего класса». Я тогда ответил: «Зайцев, вы плохо кончите». Меня выгнали из Дворца пионеров. В Москве тогда было 30 районов, и Зайцев всем секретарям сказал: «Если кто возьмёт Спесивцева, будет моим первым личным врагом». И лишь Игорь Борисович Бугаев, первый секретарь Краснопресненского райкома партии, друг Леонида Ильича Брежнева, вызвал меня и говорит: «Спесивцев, ты адепт молодёжи. Давай сделаем молодёжный театр. Он будет называться «На Красной Пресне».

— **Похоже, вам везло на хороших людей...**

— Да, наверное, я что-то такое всегда излучал. Иду однажды по бульвару и вижу своего друга Пашу Гусева в позе роденовского мыслителя. Ночь, темно, заснежено всё... Спрашиваю: «Паш, ты что делаешь здесь?» Отвечает: «Думаю». Он был тогда инструктором ЦК ВЛКСМ и удивительным журналистом, драматургом. «Помоги мне, — продолжает Паша.— Что мне — дальше идти по комсомолу или в писательские дела?» Я говорю: «Паша! Через некоторое время вообще не будет никакого комсомола. Что ты за него держишься?» Он говорит: «Тихо! Ты что, с ума сошёл? Вон там милиция ходит». Я говорю: «Паша, поверь, я как режиссёр чувствую, что это пройдёт». Как известно, Паша выбрал журналистику, при нём состоялся настоящий «МК». — Вячеслав Семёнович, у вас четверо сыновей, трое из них работают с вами в Молодёжном театре. Как вы их воспитывали? — Артист должен уметь скакать на лошадях, фехтовать, в ледяную воду окунаться... Студийцы, студенты, артисты у меня этим занимаются. Им просто некогда курить, пить! Вы же видите — у меня в спектакле «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» надо «летать» с шестиметровой высоты. А в «Ромео и Джульетте» с какой высоты надо прыгать? Мои дети в студии с шести лет, они делали всё то же самое. Источник: zbulvar.ru